

БЫВШИЕ

Даже не пытайся
МЕНЯ ВЕРНУТЬ

Антибуки
ОШИБКИ ПРОШЛОГО

МАЙЯ САММЕР

Майя Саммер

БЫВШИЕ. Даже не пытайся меня вернуть

<https://litres.ru/74220942>

Аннотация

Моя новинка:

Развод. Второго шанса не будет

- Даже не пытайся меня вернуть! – горько говорю тому, кого так отчаянно любила.

- Я и не собирался. – усмехается он.

Мне бы радоваться, но в груди опять разрастается дыра. Он так ничего и не понял.

Странное сообщение «Надо поговорить. Хочу, чтобы ты узнала от меня...» и беременная девушка на пороге нашего дома. Четыре года разлуки. У меня сын с его глазами, у него дочь.

Он говорил, что любит, а сам предал.

Поддержите новинку ☆, не забудьте добавить в библиотеку. Книга пишется в рамках литмоба_ошибки_прошлого

Первая книга:

Второй шанс

НЕидеальный герой

ХЭ для заслуживших

Проды каждый день первую неделю, дальше по будням

Содержание

1	5
2	10
визуал	14
3.	15
4.	21
5	26
6	31
7	37
8	42
9	46
10	51
11	56
12	61
13	66
14	70
15	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

1

– Мужик вам нужен, Ольга Михайловна.

От такой новости я поперхнулась чаем, закашлялась и едва не забрызгала монитор.

Время близилось к шести. Приём, как обычно, задержался на час. А ещё куча карт и вызовы на дом.

– Гх-х... Что? – откашливаясь, переспросила я.

– Мужик вам нужен! – повторила медсестра, которая сидела напротив с бумажными картами – Он бы быстро навёл порядок в вашей жизни и запретил бы так безбожно перерабатывать!

– Анастасия Петровна, ну, вы в своём репертуаре, – вздохнула я.

– А что? Неправа, скажешь?

– Вы же сами сидите тут со мной, вместо того чтобы домой идти! – удивилась я.

– А я что? Мне пятьдесят скоро! Два развода, взрослые дети. Что мне дома делать? Котов и тех автоматическая кормушка кормит. А ты, дорогая, ещё молодая. Мальчишка твой опять же по маме скучает.

Здесь медсестра была права. Меня дома ждал мой сынок, моя радость, моя гордость. Я знала, как он по мне скучал, ведь я скучала по нему не меньше.

– Не сыпьте соль на рану, Анастасия Петровна. Знаете же,

что я одна нас содержа. Если буду отказывать пациентам, то заведующая быстро мне замену найдёт.

– Интересно, что ж она нового врача не нашла за столько времени, когда Лана в декрет ушла? – проворчала медсестра, захлопнув очередную карту. – Знаешь, что я тебе скажу, Оля. Ты на меня не обижайся, но ты поступаешь глупо, что до сих пор терпишь закидоны нашей королевны! У тебя приём по времени, а дальше – не твои трудности. А она повесила на тебя два участка и радуется!

– И что мне делать? – мягко улыбнулась я. – Бросить детей без помощи?

Я потрясла тетрадкой с вызовами. В желтых окошках тёплого света меня ждали мои маленькие пациенты.

– Давай так. У меня знакомая в платной клинике работает. Я попрошу тебе собеседование организовать. Будешь хоть за деньги пахать!

– Хорошо, – согласилась я. – Спасибо вам за заботу.

Пусть Анастасия Петровна меня частенько распекала, но делала она это по-матерински тепло и не обидно. При пациентах всегда держала субординацию и за рамки не выходила.

Она же помогала, когда я, совсем зелёная, беременная и потерянная, устроилась работать в поликлинику. Меня взяли с условием, что в декрете я проведу не более шести месяцев. Так и случилось.

Когда уезжала из столицы, единственное, чего мне хотелось, – это тишины и спокойствия. В маленьком городке я

купила домик в хорошем состоянии и подержанную машину. А ещё нашла работу и родила сына.

Я закрыла программу, потянулась. Завтра меня ждал выходной, который я планировала провести с сыном. В одном Анастасия Петровна была неправа: никаких мужчин нам с ним не нужно.

Главный мужчина в моей жизни уже есть. Максим. Мой сын.

Тетрадь с вызовами полетела в сумку вместе со стетоскопом, одноразовыми палочками и масками. Хотя весна подходила к концу, всё равно простудных заболеваний много ещё ходило.

Спустилась на парковку. Села в машину. Права у меня были ещё с восемнадцати, но водить я почти не водила. После переезда пришлось освежать навыки.

Провернула ключ в замке, но мотор только фыркнул недовольно. На приборной панели горели значки масла и чек двигателя.

– Ну почему именно сегодня! – ругнулась я и со злости ударила по рулю.

Хотя злиться нужно было только на себя. Машина давно нуждалась в ТО.

Пришлось вызывать такси, ехать на первый адрес. Хорошо, что мой участок включал в себя район с многоквартирными домами, и там от пациента к пациенту можно будет ходить пешком.

К концу списка я уже не чувствовала ног. Голова гудела, а сумка оттягивала плечо. Как только приеду домой, сразу же залезу в горячую ванну!

Сверилась с последним адресом. Внимательно прочитала информацию и вздрогнула. Как я сразу не заметила имя пациентки?

Митрофанова Лия. Три года.

Столько сейчас его ребёнку. Хорошо, что это не может быть его дочь. Алекс остался в большом городе, и ему нечего делать в нашей глуши.

Приложила руку к груди. Каждый раз, когда вспоминала, сердце выскакивало из груди.

Я заставила себя успокоиться, позвонила в домофон, а едва сняли трубку, громко сказала:

– Добрый вечер! Педиатра вызывали?

На том конце провода молчали довольно долго. Я уже подумала, что ошиблась адресом, но в конце концов замок запищал, сообщая об открытии.

Дёрнула дверь, поднялась по лестнице на второй этаж. Позвонила в звонок.

Тревога загнездилась в сердце, и, как бы я себя ни успокаивала, она не хотела уходить. Может, медсестра права и мне не стоит так много работать?

Дверь распахнулась почти сразу. Я в это время копалась в сумке, чтобы найти бахилы.

– Вот это сюрприз, – цедит знакомый голос, а я замираю

от неожиданности.

Этого. Не. Может. Быть.

– Вот это сюрприз.

Голос, который я забыла. Думала, что забыла. Надеялась на это. Ворох мыслей и опять чёртова боль. Застарелая, покрывшаяся корочкой.

Отец моего ребёнка.

Я думала, рана уже зажила, но нет. Она просто затянулась и теперь снова закровила.

Подняла голову. Он стал ещё мужественнее. Ещё брутальнее.

И дело не в модной бороде, хотя она тоже была. Что-то в его внимательном взгляде, в изгибе бровей с насмешкой.

Но самое ужасное – то, чего не было.

Футболки.

На бёдрах болтались мягкие домашние штаны, а вот торс оплетали жгуты мышц и больше ничего. На коже серебрились капли. Влажные волосы зачёсаны назад.

– Ты не спешила на вызов. Так?

От несправедливого обвинения щёки покраснели. Да ещё и высказанного таким тоном!

– Как получилось, так и пришла. Где моя пациентка?

Не знаю, чего он от меня ждал. Извинений или ещё чего. Плевать. Я пришла не к нему.

– В комнате.

Я натянула бахилы, маску и шагнула в квартиру. Алекс так и стоял в прихожей. И она показалась мне безумно тесной для нас двоих.

Жар его тела чувствовался даже сквозь лёгкую куртку. Мне стало невыносимо жарко, и я стянула её, повесила на вешалку.

На ней висели несколько детских курточек на разный сезон, одна мужская и женская. Рука замерла над вешалкой.

А чего я ожидала, собственно говоря? Что он бросит мать своего ребёнка? У него же принципы. Правила.

Жаль только, что это не распространяется на измены.

Проглотила колючий комок. Это всё в прошлом! А ты, Оля, профессионал! Так и занимайся тем, зачем пришла!

Прошла мимо мужчины в комнату, в которой горел свет. Девочка лежала на постели. Она спала. Светлые волосы разметались по подушке.

Рядом с кроваткой сидела девушка. Я попыталась вспомнить, как она выглядела в тот единственный раз, когда мы встречались, но не смогла.

Память услужливо заблокировала те воспоминания.

– Ну, наконец-то! Я ещё с утра вас вызывала! Вы почему так долго? – зашипела она на меня.

Я вскинула бровь.

– Думаете, я специально ночью по вызовам хожу?

Возможно, это непрофессионально, но усталость и шок брали своё. Я в первую очередь доктор, и не позволю общать-

ся с собой как с прислугой!

– У Лии температура! А вы непонятно чем занимаетесь!
– продолжила напирать девица.

Я многое могла бы ей сказать. И про два участка, и про ворох бумаг, которые никто не отменял, и про планёрку утреннюю. Тоже обязательную, между прочим! Но конфликт ничем не поможет.

Только всё усложнит.

Достала термометр, поставила девочке. Она пошевелилась, просыпаясь. Открыла глазки и улыбнулась мне.

Как же она была похожа на моего сына! Просто маленькая копия! Хотя почему "маленькая"? Она же старше Максимки на несколько месяцев.

Сердце сжалось от боли.

– Привет. Я Ольга Михайловна, детский доктор. Как себя чувствуешь?

Девочка пожала плечами.

– Горлышко болит, – прохрипела она.

Электронный градусник запищал. Достала его, глянула.

– Тридцать восемь, – озвучила данные. – Давай послушаем тебя? Нужно встать и поднять кофточку.

Детская комната напоминала замок принцессы. Розовые стены, розовая кровать, шторы с рюшами. От такого обилия ярко-розового цвета в глазах рябило.

Лия села на постели, задрала пижамку.

После осмотра стало понятно, что у девочки банальное

ОРЗ, но уже с осложнениями. Горло красное, сопли и температура. Ничего сверхъестественного.

Я быстро написала рекомендации. Зачитала их вслух, попрощалась с ребёнком и вышла из комнаты. Находиться там под пристальным тяжёлым взглядом родителей ребёнка мне совсем не хотелось.

Дикая усталость давила на плечи. Шок от неожиданной встречи только добавлял тяжести.

Тот, кого я так упорно хотела забыть, сейчас находился со своей семьёй в одной со мной квартире. И от этого сердце выпрыгивало из груди.

Хотелось орать от несправедливости и боли. Крушить всё на свете! Проклинать его! Только делать это всё нужно было четыре года назад. А сейчас...

Сейчас всё в прошлом. И мне не стоит себя позорить.

Перед самым выходом наклонилась, чтобы снять бахилы, а когда выпрямилась, рядом со мной на дверь упала тяжёлая рука.

– Не знаю, зачем ты здесь, но тебе лучше поскорее убраться из города, – прорычал Митрофанов прямо у меня над ухом.

визуал

Вот такими встретились Ольга и Алекс спустя четыре года.

*История выходит в рамках литмоба "Ошибки прошлого"
Все книги можно найти по тегу "литмоб_ошибки_прошло-
го"*

3.

Чего? Мне показалось? Я ослышалась? Или он за эти четыре года действительно настолько охамел?

– С какого я должна уезжать? – в тон ему отвечаю. – И шаг назад сделай!

Он хмурится ещё больше. Сжимает челюсти.

– Не делай вид, что наша встреча случайна.

– А я и не делаю, – трясущим своим многострадальным блокнотом – У меня вызов на этот адрес. Повторяю ещё раз для особо понятливых: мой пациент – Лия. А ты... просто досадное происшествие.

– И пришла ты ночью тоже из-за вызова?

Часы и правда показывают половину десятого.

– С чего это я должна оправдываться перед тобой? Я вызов обслужила, ребёнка посмотрела, лечение назначила. Остальные твои фантазии – это не ко мне.

Выхожу из квартиры, толкаю дверь.

Хватит с меня этого бреда. Пусть думает что хочет, меня это не волнует.

В лифте пришлось опереться о стену. Ноги не держали.

Четыре года. Столько прошло с тех пор, как я застала беременную девушку у входа в квартиру. А он исчез, ничего не объяснив.

Глупо ждать извинений или объяснений сейчас. Да и что

это исправит?

Ни-че-го.

Иду по улице. Холодная ночь немного приводит в чувство.

– Девушка! Вы бахилы снять забыли! – кричит мне кто-то.

Опускаю взгляд. Действительно, на ногах болтаются куски пластика. Закрываю глаза, всхлипываю тихонько.

Что же я за дура такая! Он меня бросил, а мне всё равно больно его видеть!

Стаскиваю с ног пакеты, кидаю в мусорку. Такси приезжает быстро, но отказывается меня везти, едва узнаёт адрес.

Частный сектор никто из таксистов не любит. Там обратного заказа не поймать. Я зло смотрю вслед уезжающей машине. Ёжусь от порыва ледяного ветра. Нужно вызвать ещё одну машину, может, с ней повезёт больше.

Приложение показывает ожидание двадцать минут. Плохо, но делать мне нечего. Придётся ждать.

Рядом тормозит внедорожник. Чёрная махина пугает. В такие обычно запикивают людей, а потом их никто не находит.

Стекло опускается, и страх уходит. Остаётся только раздражение.

– Садись, – бросает мне Алекс.

Я отворачиваюсь от автомобиля, прячу руки в карманы.

– Оля, садись в машину.

– Ты ещё не все гадости мне высказал? – фыркаю я, под-

нимаю плечи, пряча шею от холода.

– Подвезу до дома.

– Не утруждайся. Сама доберусь.

Соглашаться нет никакого желания. Мне всё ещё странно видеть его рядом. Стекло ползёт вверх, и я жду, пока машина уедет, но вместо этого хлопает дверь.

Он нависает надо мной горой мышц. И снова подходит ближе чем нужно! Так не приближаются незнакомцы или просто знакомые. О нет!

Но мы ведь не чужие. Точнее, были ими. А сейчас...

– Садись. В. Грёбаную. Машину! – по словам произносит он. – Или я тебя туда запихну.

Он не шутит. Я ему верю. Улица пустая. Мне никто не поможет. Даже кричать бесполезно.

Алекс распахивает дверь. Я сажусь на сиденье, обнимаю себя замёрзшими руками.

– Адрес.

– Улица Мирная.

– Дом?

Я выгибаю бровь. Сообщать ему точный адрес не собираюсь. Ни к чему ему знать, где я со своим сыном живу. Точнее, с нашим сыном.

От этой мысли дыхание сбивается. Словно кто-то меня в живот кулаком ударил.

Он трогается с места. Я молча смотрю в окно.

– Что ты здесь делаешь, Оля?

Какая тебе разница, Митрофанов? Какая? Зачем этот вопрос? Внутри всё переворачивается, но ему я не собираюсь ничего показывать.

– Живу, – отвечаю односложно.

– Почему именно в этом городе?

Я пожимаю плечами. Что ему ответить? Где нашлось место в поликлинике, там и устроилась. Городок понравился. Дом нашёлся по моему бюджету. Место в саду для Максима. Много плюсов и ни одного минуса не было, пока здесь не появился он.

Мотор ревёт под капотом. Мощные фары разгоняют мрак. На приборной панели лежит листок с моими назначениями. Петли моего почерка складываются в названия лекарств.

– Круглосуточная аптека в центре, – зачем-то говорю ему.

Теперь причина его появления на улице в эту холодную ночь становится более логичной. Он поехал в аптеку.

– Знаю.

Я замолкаю. Нам не о чём говорить. Время, когда это нужно было делать, прошло. А теперь слишком поздно.

Он заворачивает на мою улицу. Останавливается. Я выхожу, иду к своему дому. Фары за моей спиной гаснут. Машина ревёт мотором, разворачиваясь.

Рядом с домом я чувствую себя в безопасности и не боюсь.

Калитка скрипит. Надо бы её смазать, да всё руки не доходят. Над входной дверью загорается фонарь.

Лидия Степановна встречает меня с мокрыми руками.

Она вытирает их полотенцем. Сынишка бежит ко мне и с визгом врзается в ноги. Обнимает, а я обнимаю в ответ.

– Ну что вы! Не надо было посуду мыть. Я бы сама.

– Ты, небось, устала после работы-то! Придумала тоже ещё посуду мыть. Мы с Максимом уже поужинали, тебе тоже оставили. Иди кушай, а я его уложу.

– Не нужно, Лидия Степановна. Я сама его уложу, мы ведь целый день не виделись. Отдыхайте.

Няня уходит домой. Она живёт в соседнем доме, давно вышла на пенсию. И очень мне помогает, когда нужно забрать Максима из сада.

– Мама, а что мы сегодня будем читать? – спрашивает сын, забираясь в постель.

У меня глаза слипаются, но я всё равно читаю ему «Волшебника из страны ОЗ». Максим внимательно слушает, а потом засыпает, подложив ручку под щёку. Я откладываю книгу, закрываю глаза на минуту и просыпаюсь уже утром.

– Боже... – тяну я, когда разгибаюсь из неудобной позы.

Всю ночь проспала на кресле, и теперь шея безбожно ноет. Воспоминания вчерашнего вечера накрывают с головой, и я тру глаза, чтобы хоть немного прийти в себя.

Мелодия вызова слышится где-то в глубине дома. Телефон валяется в сумке.

На дисплее два пропущенных. Значит, именно они меня разбудили. Телефон в моей руке опять звонит. Любимая работа. Кто же ещё может беспокоить в субботу с утра?

Отвечаю.

– Ольга Михайловна, вы где? – недовольный голос заведующей ввинчивается в уши.

– Дома. Где мне ещё быть в выходной?

Мой тонкий намёк она пропускает мимо ушей.

– А я на работе! По вашей вине, между прочим! И жду вас для разбирательства.

– Какого ещё разбирательства? – не понимаю я.

– На вас написали жалобу! Всё очень серьёзно!

4.

4.

– Жалобу?

Ничего не понимаю.

– Да! За непрофессиональное поведение! Ещё и карты за вчерашние вызовы не заполнены! Это серьёзное нарушение! – пыхтит начальница. – Жду вас в своём кабинете! Немедленно!

Я оглядываюсь на сына, который чешет одной ногой свою вторую. Штанина задралась, оголяя тоненькую ножку. Пи-жамка с дракончиком, его любимая, немного мала.

Мы собирались пойти сегодня купить новую, погулять в парке и поесть мороженое в кафе. Почему я должна менять все свои планы ради работы?

– Каролина Евгеньевна, я, конечно, заеду, но через час. Не раньше. Мне сына нужно накормить.

– Ольга Михайловна! Почему я должна вас ждать! – зады-хается от возмущения заведующая.

– Не должны, – спокойно отзываюсь. – Но и я не должна в свой выходной ехать в поликлинику.

Спокойно кладу трубку, прижимаю телефон к груди. От кого поступила жалобы – можно не гадать. Самая паршивая гадалка сразу укажет на Митрофанова.

Мне даже интересно, что такого он там написал? Грубо с

ним общалась? Неверно выставила диагноз? Или неразборчиво написала рецепт?

Такие жалобы, как правило, яйца выеденного не стоят, но каждый раз мне приходится писать объяснительную. Один раз меня обвинили в том, что назначила ребёнку слишком дорогие таблетки. В аптеке нашёлся аналог подешевле, а то, что потом от этого аналога у ребёнка аллергия началась, так это тоже я оказалась виновата.

И самое обидное – заведующая прекрасно знает, что я никогда не грублю, работаю хорошо, но всё равно выговаривает мне, как студентке первого курса.

Конечно, благодарных родителей гораздо больше. А детишки вообще ни в чём не виноваты. Но подобное отношение раздражает.

– Ты опять на работу поедешь? – спрашивает сын.

Он старается не показать, как ему обидно, но я вижу, как уголки его губ тянутся вниз.

– Мы вместе заедем ненадолго. А потом пойдём в парк, – я мягко ему улыбаюсь. – Иди чисть зубы и умывайся. А я пока приготовлю нам завтрак.

Максим едва заметно кривится. Чистить зубы ему не нравится с детства. И если не напомнить вовремя, то он просто «забудет».

Спускаюсь. Кухня сияет чистотой. На плите стоит мой вчерашний ужин. Сейчас я очень благодарна нашей няне за её заботу.

Врубаю кофеварку. Без чашки кофе я не выживу. Ставлю на плиту молоко, чтобы сварить кашу. Достая крупу.

Пока жду, когда закипит молоко, всё думаю о вчерашнем вечере. Сейчас, отойдя от шока, мне всё больше кажется нелогичным поведение Митрофанова.

Это я должна на него злиться и шипеть! Ведь это он пропал, когда я узнала о его измене. Да, чисто технически мы не были мужем и женой, но я доверилась ему.

Спасла, когда он истекал в скорой помощи кровью. А он спас меня от мужа-тирана. Я думала, мы две стороны одной монетки, а оказалось, что так думала только я.

У него нет никакого права выгонять меня из города, обвинять непонятно в чём и писать на меня идиотские жалобы!

С шипеньем молоко хлынуло на плиту. По кухне пополз мерзкий запах горелого. Вот чёрт!

Пока убирала, готовила, собиралась и ждала такси, прошло больше чем час. Я настолько замоталась, что забыла о поломке машины. Нужно заглянуть и вызвать эвакуатор, если она не заведётся снова.

Мы поднялись на второй этаж поликлиники. Максим шёл рядом, держась за мою руку. Я завела его за стойку, где сидели медсёстры. Вручила раскраску и попросила девочек присмотреть за сыном.

– Королевишна рвёт и мечет, – тихо сказала мне подруга моей медсестры. – Уже несколько раз про вас спрашивала.

Я кивнула. Ничего другого от заведующей я не ожидала.

Мне так не хотелось идти к ней на поклон, что на одну секунду я даже подумала: «А не сбежать ли мне?». Ну что она сделает? Выговор напишет? Для этого нужны серьёзные основания.

Только это глупо и по-детски.

Вздыхнула, поцеловала сына и пошла в кабинет.

Каролина Евгеньевна сидела за полированным столом перед новеньким компьютером. Интересно, откуда деньги на такой? Помнится, когда у меня сломались весы для новорождённых, она притащила старьё из кладовки. А на вопросы заявила, что у больницы не денег.

Пришлось за свой счёт электронные покупать. На приём отводилось всего двенадцать минут, и у меня не было времени, чтобы бесконечно толкать грузик туда-сюда. Да и малыши не желали спокойно лежать на этом раритете.

Сразу поднимали вой.

А тут надо же. Брендовый и мощный компьютер.

– Ольга Михайловна, я крайне разочарована вашим поведением! – начала она, не дав мне даже поздороваться.

– И что же я такого сделала?

Моё спокойствие её явно раздражало. А мне надоело быть девочкой для битья. У меня за плечами престижный ВУЗ, специализация и опыт работы. Я давно не выпускница без перспектив.

– Как что? А вы не догадываетесь? – задохнулась она – Вот! Полюбуйтесь!

Заведующая припечатала своей рукой бумажку с жалобой.

– Нет, не догадываюсь. Вчера никаких происшествий у меня на приёме не было. На вызовах тоже.

– Это значит – не было?! – она опять потрясла жалобой. – Заявительница утверждает, что вы, Ольга Михайловна, пришли к ним ночью в нескромной одежде и обхаживали отца ребёнка! Вы доктор или распутная женщина, Ольга Михайловна?

– Чего? – только и смогла выговорить я.

На больных людей мы, медики, не обижаемся. Но тут явный перебор.

– Вот смотрите! Тут всё чёрным по белому написано! Как вы это объясните? Почему вы вообще ходите на вызовы в тёмное время суток! И почему на вас надето вызывающее платье, а не больничная форма?

Дрожащими пальцами сжимаю бумагу. Руки дрожат вовсе не из-за страха или прочей ерунды. Совсем нет. Меня переполняет ярость.

Да как Митрофанов и его жена посмели такое написать?! Это же клевета в чистом виде! После прочитанного захотелось помыться. С мочалкой и мылом. Так, чтобы кожа красная стала.

Думала, после оскорблений бывшего мужа меня ничем не удивить, но ошиблась.

– Каролина Евгеньевна, вы же понимаете, что это всё бред! На мне было обычное повседневное платье. Ничего оно не открывало. В форме на вызовы никто не ходит.

– Это не отменяет того факта, что вы пошли к этой семье ночью. Хотя должны были завершить вызовы ещё до шести.

Ах, вот как? Складываю руки на груди.

– Не вы ли повесили на меня два участка? Пациенты идут

по талонам и по живой очереди. Приходится принимать их по очереди! И это при двенадцати минутах на ребёнка! Вы же сами понимаете, что закончить вовремя у меня ни одного шанса. Да ещё и вызовы! Тоже с двух участков. Между прочим.

Пока я говорила, заведующая всё больше кривилась. Ей не нравилось, как я откровенно и без утайки говорю именно о её недоработке. Врача на соседнем участке не было уже почти полгода.

– Не надо оправдываться такой мелочью. Вы сами согласились на двойную ставку. Вам за это деньги платят!

Прибавка действительно была, но такая крохотная, что её только и хватало на оплату детского сада для Максима. И согласилась я не из-за этого.

– Я согласилась на то время, пока вы не найдёте замену. Но что-то я не вижу действий с вашей стороны.

– Не нужно учить меня работать! – высокомерно отзывается моя начальница. – Нет смысла искать замену на тот год, что Иоланна будет в декрете. Она скоро вернётся.

– Она вернётся через два с половиной года! – ахнула я.

Заведующая пыталась убедить её выйти через полгода, но ей не было смысла спешить. Муж поддерживал её во всём и хорошо зарабатывал.

Когда мы провожали Ильку в декрет, она прямым текстом сказала, что «бессмысленно рожать ребёнка, если планируешь сразу скинуть его на няньку». Потом, правда, осеклась,

бросив взгляд на меня.

Она долго извинялась передо мной. Только я зла не держала. Это было правдой.

Я бы тоже с удовольствием увидела первые шаги моего сыночка, научила бы его говорить, рисовала бы с ним на залитой светом кухне, но мне пришлось работать. Ведь у него, кроме меня, никого нет. А подгузники, питание, счета оплачивать нужно.

– Может быть, раньше, – махнула рукой заведующая. – Не в этом суть. Я понимаю, Ольга, ты женщина одинокая и уже давно, но искать себе любовника среди пациентов – это недопустимо.

Щёки опалило жаром. Сам этот разговор был недопустим! Посмотрела вниз, на то место, где стояла. Мне показалось, что ещё немного – и я просто провалюсь на первый этаж. А потом и дальше.

– Мои пациенты – дети! – отчеканила я. – Как вы смеееете вообще мне такое говорить?!

– А как ты смеешь хвостом крутить перед чужим мужчиной?

От заведующей я ждала поддержки. Пусть не материнского участия или дружбы, но профессиональная солидарность должна же быть? Медленно выдохнула.

Обычно это помогало успокоиться и прийти в себя. Обычно, но не сейчас.

– Продолжать разговор в таком тоне я не намерена, – спо-

койно, насколько могу, говорю. — Если у вас есть претензии к качеству моей работы, я готова их обсудить на дисциплинарном совете.

Бумагу кладу на стол, разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Ольга Михайловна, я вас не отпускала! — возмущается заведующая за моей спиной.

А мне плевать. Не собираюсь больше этот бред слушать. И заявление на освобождение меня от второй ставки по семейным обстоятельствам напишу в понедельник. Хватит с меня.

Всему есть свой предел. Черта, за которую переходить не стоит. Мою доброту заведующая приняла за слабость. Я хотела помогать детям, а в итоге двумя ногами прыгнула в известную субстанцию.

— По сути претензии я всё сказала. Если у вас ко мне остались вопросы, решим их в понедельник.

— Не вздумайте уходить! Я пригласила родителей Митрофановой Лии сюда. Они будут с минуты на минуту.

Я резко развернулась. Моя рука стиснула ручку двери.

— Что? Зачем?

— Чтобы вы смогли лично извиниться перед ними, конечно.

Раз, два, три... А к чёрту! Кипяток побежал по венам.

— Не собираюсь я ни перед кем извиняться! — рявкнула я так, что ваза подпрыгнула на столе. — Потому что ни в чём не виновата!

Нужно поскорее уходить. Если Алекс увидит меня тут с

ребёнком, то начнёт задавать всякие глупые вопросы. А мне этого не надо. Пусть и дальше пребывает в счастливом неведении.

Дёрнула дверь, поток воздуха ударил в лицо. Взмахнула волосами, отбрасывая их за спину, и вышла.

Но словно на стену напоролась. Митрофанов стоял рядом со стойкой и спокойно разговаривал с Максимом!

Алекс оторвал взгляд от ребёнка, заметил меня. Ноги отнялись. Если бы не ручка двери, за которую я держалась, точно бы грохнулась.

Выражение лица ничего хорошего мне не сулит.

– Да возьми же себя в руки – шёпотом говорю сама себе.

Но сказать гораздо легче, чем сделать. Он идёт ко мне, а я только и могу, что смотреть на него.

Перед сном я часто представляла себе, как он узнает о сыне. Как будет умолять его простить. А я с лёгкой улыбкой попрошу его нас не беспокоить. И у меня в душе ничего не шевельнётся.

Как же я ошибалась. Оказалось, что даже через четыре года та рана, которую он мне нанёс, всё ещё болит. И с каждым его презрительным взглядом всё больше разрастается.

Алекс останавливается напротив меня. Внимательно рассматривает моё лицо. Наверняка бледное, без грамма косметики. Я дёргаю бровью. Ну, давай! Скажи, какая я плохая, что скрыла от тебя сына!

Но он молчит. Изучает. Напряжение можно резать ножом. Только бы нож не сломался.

Я тоже ничего не говорю. А что я могу сказать? Оправдаться точно не собираюсь.

– Алексей Вадимович, спасибо, что пришли! – врзается

между нами заведующая. – А я как раз говорила с подчинённой.

Она намеренно использует именно это слово. Подчинённая. Меня от него коробит. Я врач, чтоб её! С каких пор к нам стали относиться как к обслуживающему персоналу?

– Извините, я всё сказала, – хочу обойти Алекса, но он не делает ни малейшей попытки меня пропустить.

– Ольга Михайловна! Я требую, чтобы вы остались! – ахает рядом Каролина Евгеньевна.

Чаша терпения переполняется. Поворачиваю к ней голову как на шарнирах. Начальница смотрит на меня «страшным» взглядом, только меня он совершенно не трогает.

– Требуете? – тихо, но отчётливо чеканю.

– Конечно, нам нужно уладить конфликт.

Только сейчас я понимаю, что внутри всё это время сжималась пружина, а сейчас она высвободилась и со страшной силой летит обратно. Ноги, словно не мои, затащили меня обратно в кабинет.

– Могу я получить лист бумаги? – чужим голосом прошу я.

На Алекса не смотрю. Его взгляд только разожжёт огонь внутри ещё больше. А я не хочу терять контроль. Он и так с каждой минутой всё больше ускользает.

– Зачем?

– Напишу письменные извинения, – язвительно говорю я. Каролина Евгеньевна открывает рот, чтобы возразить. Но

резко умолкает от сильного голоса Митрофанова:

– Дайте ей бумагу.

Он всегда умел говорить так, что люди подчинялись. Прошрое в спецназе никуда не денешь. Как и навык общения с людьми.

Поначалу мне казалось, что он холодный, отстранённый и жёсткий. И только я видела, каким ласковым, нежным он может быть. Оказалось, что мне показалось.

Наивная. Я задолжала ему жизнь, он задолжал мне жизнь. Мы в расчёте. Один – один. Ничья.

Несколько листов бумаги ложатся передо мной. Я быстро, по врачебной привычке, пишу заявление на увольнение. Ставлю дату, подпись, а потом передаю заведующей.

Она открывает рот, потом снова закрывает. Растерянно хлопает глазами, но быстро берёт себя в руки.

– Это твоя благодарность?! – шипит она, потрясая листами. – Я приняла тебя на работу! Научила, а ты вот так отвечаешь?!

– Каролина Евгеньевна, я благодарна вам за помощь, но отплатила вам сполна. И, насколько мне известно, я не обязана работать там, где мне не хочется работать.

На этом моменте я считаю наш разговор действительно оконченным. Придётся отработать ещё две недели, и наверняка эти две недели простыми не будут. Но это лучше, чем терпеть такое.

Спокойно встаю, иду к стойке и забираю сына. Прошу од-

ну из медсестёр, которая работает в кабинете, присмотреть за Максимом ещё немного. Спускаюсь на парковку.

Моя машина одиноко стоит на парковке. Центральный замок не работает. Приходится открывать переднюю дверь с помощью ключа. Приборная панель загорается на несколько секунд, но потом снова гаснет.

Я не разбираюсь в машинах. Да, она у меня старенькая, но крепкая и никогда раньше не ломалась. Залезаю в интернет. Нужно искать эвакуатор и сервис, в который её отвезти.

В такие моменты я остро чувствую своё одиночество. Никто не поможет. Даже советом. Приходится решать всё самой.

Свой дом – это прекрасно. Мы с сыночком часто гуляем в саду. Собираем яблоки, едим малину прямо с куста. Но без машины будет тяжело.

Поиск подсказывает, что все автосервисы города работают по записи. Срочно машину никто не берёт. Откидываюсь на спинку сиденья. Закрываю лицо руками.

Осознание места, в которое скатилась моя жизнь за последние два дня, накрывает. Эмоциональные качели высосали из меня все оставшиеся силы. И в итоге я осталась с маленьким ребёнком, без работы и без машины.

Класс!

Вздрагиваю от стука в окно. Алекс стоит рядом с машиной, его шикарное пальто распахнуто. Свитер из мягкой шерсти облегает мускулистый торс. Даже сквозь одежду я

вижу, какое крепкое и рельефное у него тело.

А память услужливо подкидывает воспоминания.

Трясу головой, чтобы вытряхнуть из неё глупости. Выходу из машины, захлопываю дверь.

Он так и стоит рядом. Молчит. Его молчание меня бесит.

– Чего тебе, Митрофанов? – буркаю я, закрываю машину.

– Не заводится?

От его голоса что-то вздрагивает внутри.

В разлуке первым забывается голос. Он просто пропадает, и вспомнить его невозможно. Он же первый и вспоминается при новой встрече.

– Не твоё дело.

Мне хочется с ним поговорить, и именно поэтому я разворачиваюсь к нему спиной, чтобы уйти.

– Я поговорил с твоей начальницей. У меня претензий нет.

– Очень рада, – бросаю на ходу.

– Помочь с машиной?

Вопрос ставит в тупик. Я оглядываюсь и напарываюсь на внимательный взгляд и абсолютно каменное лицо.

– С чего это?

– Просто потому что я могу.

Брови сами собой летят вверх. Именно с этого началась наша история. С непрошенной помощи. Неужели Колесо сансары идёт на второй круг?

– Не знаю, что ты задумал, но даже не пытайся меня вер-

нута, – горько говорю тому, кого так отчаянно любила.

– Я и не собирался, – усмехается он.

Мне бы радоваться, но в груди опять разрастается дыра.
Он так ничего и не понял.

Мне хватает сил уйти с высоко поднятой головой. Наступать второй раз на те же грабли я не намерена. Пусть идёт к своей семье и там помогает. А я сама разберусь в проблемах.

Мой сын и так слишком долго меня ждёт. Максим хмуро рисует на листе бумаги. Сейчас он особенно похож на своего отца. Даже не внешностью, а взглядом, выражением лица.

– Прости, что заставила тебя ждать, малыш. Пойдём в парк?

Он кивает, убирает за собой и прощается с медсестрой. Такой маленький, а уже собранный и серьёзный.

Иногда я виню себя за то, что мой сын повзрослел слишком рано.

Мы спускаемся по лестнице.

– Макс, а что у тебя спрашивал тот дядя? – закусывая губу, интересуюсь у сына.

Затаиваю дыхание. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

– Где кабинет начальницы, – спокойно отвечает мой сын.

– И что ты ему сказал?

– Ничего. Просто показал, куда идти.

Сын не видит в этом разговоре особого смысла. Он даже не догадывается, что разговаривал с отцом. И Алекс, похоже, тоже не догадался. Я украдкой выдыхаю.

Чувство такое, словно увернулась от пули.

Мы бродим по парку, кормим уток. Постепенно сын расслабляется. Начинает улыбаться и разговаривать. Обычно он немногословен, но сейчас мы болтаем, наслаждаемся красотой просыпающейся природы.

А когда устаём, идём в кафе. Пьём чай и кушаем. Все проблемы остаются за пределами. Я, как героиня известного фильма, решу их завтра. Или послезавтра. А сейчас я хочу провести время с самым дорогим для меня человеком.

– Мам, а как становятся воинами? – спрашивает меня сын вечером, когда мы смотрим кунг-фу панду.

Я отрываю взгляд от экрана. Пожимаю плечами.

– Не знаю, малыш. Учатся, наверное.

Я далека от всей этой мальчишеской темы. Ближе к школе хотела найти сыну наставника и отдать на спортивную секцию. Но пока слишком рано. Ему только три.

– Я хочу стать сильным, как По.

Максим широко зеваает, а потом вообще засыпает на середине мультфильма. Я смотрю на сыночка, и сердце щемит от нежности. Чувство вины давит на грудь. Как жаль, что я не выбрала тебе папу получше.

Митрофанов выбрал не моего сына. И не меня.

Больно ли мне от этого? Конечно, да. Но тут ничего не поделаешь.

С трудом поднимаю сына на руки. Он становится всё тяжелее. Время, когда я могла носить его на руках, постепенно уходит. Ещё немного – и я не смогу этого делать.

Отношу его в спальню, включая ночник и прикрываю дверь.

Нужно приводить себя в порядок и ложиться спать. Заглядываю в зеркало. Как я и думала, там оказалась бледная блондинка с тусклым взглядом. Усталость даёт о себе знать.

Я крутанула кран, наполнила ванну и залезла в горячую воду. С наслаждением мою волосы, наношу маску на лицо. Приглушённый свет, соль в воде и тишина – всё, что нужно для расслабления.

Тревога пытается поднять голову. Но я быстро задвигаю её на место. Митрофанов не знает о сыне и не узнает. Работу я найду. Если не получится устроиться в платную клинику, то в крайнем случае перееду в другой город.

Мало ли красивых городков в нашей стране? Не мало, но к этому я почему-то прикипела душой.

Мне нравится мягкий климат. Мой домик в тихом районе. Неспешная жизнь в городке. А ещё у Максима друзья в саду.

Много причин остаться, и только одна, чтобы уехать.

Я глубоко вдыхаю и погружаюсь в воду с головой.

Уезжая из крохотной квартирки, в которой мы жили вместе с Алексом, я дала себе обещание справиться. И я справилась. Теперь отступать глупо.

Утром меня будит отвратительный писк за окном. Кто в такую рань шумит? Я накрываюсь подушкой, чтобы ещё немного поспать.

Постель ходит ходуном. Макс забрался на неё и теперь ка-

рабкается ближе.

– Мам, там наша машина! – громко кричит сын.

Я резко откидываю одеяло.

– Ты перепутал, Максим. Наша машина в другом месте.

– А вот и нет! Там какой-то дядя привёз нашу машину, – обижается он и сползает с меня.

Несмотря на свой возраст, мой мальчик всегда безошибочно находит наше авто в ряду других. Меня всегда это удивляет.

Встаю и бросаюсь к окну. На платформе эвакуатора стоит моя ласточка. Водитель как раз сгружает её около дома.

– Какого?.. – обрываю саму себя, чтобы не ругнуться при ребёнке.

Накидываю халат на плечи, вылетаю из спальни. Холодный воздух облизывает голые ноги. Запахиваю халат, пряча пижаму.

– Простите, откуда у вас моя машина?

Водитель улыбается мне и здоровается. Отцепляет тросы и только тогда подходит.

– Забрал её со стоянки. Подшаманил. У генератора ролик заклинило. Хорошо, что не навернулся. Я всё поменял: и ремни, и масло. А ещё аккумулятор на всякий случай. У него уже срок подходил. Так что принимайте работу!

Я трясую головой. Ничего не понимаю.

– Но как вы её открыли? Ключи-то у меня!

Это совершенно точно. Ключи от машины висят на крюч-

ке в доме. Я видела их, когда выбегала.

Мастер отводит глаза в сторону. Топчется на месте.

– Понятно, – буркнула я.

Есть и такие умельцы, кому ключи не нужны. Только они обычно не в сервисах работают, а в других местах. И связи с такими есть только у криминала или правоохранителей.

– Ну, не ругайтесь, – просит он. – Я человек маленький, но добро помню. Ваш... хм... друг сделал для меня очень много хорошего. Разве я мог отказать?

Похоже, русского языка этот самый друг не понимает. Стискиваю зубы. Мастер вжимает голову в плечи, заметив мой взгляд. Я стараюсь успокоиться, ведь этот пузатый дядька ни в чём не виноват.

Наоборот, он отремонтировал машину.

– Сколько с меня?

Сумма вышла подъёмная. Хотя по списку работ казалось, что придётся распотрошить заначку. По-хорошему, нужно было давно провести ТО. Проверить агрегаты, поменять расходники, но времени на это не было совершенно.

Мастер взял деньги, пожелал мне хорошего дня и уехал. А я так и остаюсь стоять рядом с машиной, не понимая, как на всё это реагировать.

С одной стороны, облегчение от решённой проблемы, но с другой... Я уже позволила однажды Митрофанову стать важным для меня. И чем всё это кончилось?

Больницей и угрозой выкидыша! Больше я такого не допущу.

Только как реагировать на вот это? Я глянула на машину. Её не только отремонтировали, но и помыли снаружи и внутри.

Хорошо, что детское кресло я достала, чтобы постирать обивку. Иначе Митрофанов узнал бы о ребёнке.

Игра в кошки-мышки мне уже начинает надоедать. Нужно что-то решать. Или уезжать из города, или рассказать о сыне. Ни один из вариантов не казался мне подходящим.

Но пока мне везёт. А что будет дальше?

Алекс рано или поздно узнает о Максиме, и у него возникнут вопросы. Что тогда? Врать до последнего или всё-та-

ки сказать правду?

Я поглядела в хмурое небо. Ответов там, естественно, не было.

Ноги коченеют. Захожу в дом, и утро течёт по привычному сценарию. Умывание, одевание, завтрак. Максим крутится рядом, помогает и отвлекает от тяжёлых мыслей.

После завтрака мы обкатываем отремонтированную машину. Мотор работает ровнее, натужность, с которой раньше переключались передачи, исчезла. Всё работает как часики.

Мы едем в магазин, покупаемся на неделю. На карте остаётся не так уж много денег. Ещё пара недель и придётся забирать деньги со вклада. А их я копила на обучение сына и новую машину.

С зарплатой обычного врача в поликлинике сильно не разгуляешься. Найти сразу крупную сумму для покупки автомобиля не так-то просто.

После обеда идём гулять. Мне безумно нравится проводить время с сыном. Он мой лучик света.

Написав заявление на увольнение, думала, буду жалеть, но сейчас я чувствовала только свободу и радость. Даже дышать легче стало! Хотя я даже не подозревала, как мне раньше было тяжело.

На обратном пути нас зовёт к себе наша няня. Лидия Степановна заменяет Максиму бабушку, которой у него не было. Моя мама погибла много лет назад, а нынешняя жена моего отца даже не знает о рождении внука.

И не узнает.

– Оленька, вот, возьми пирожки. Я что-то много напекла. А вы с Максимкой как раз покусаете, – отвлекает меня от грустных мыслей няня.

– Ну что вы, Лидия Степановна, – улыбаюсь, – не стоило.

– Бери-бери! Ты же знаешь, детей у меня нет. Некому стряпать, не о ком заботиться. Только вы у меня и есть.

Максим сидит уже с пирожком в руках и чашкой чая. В душе разливается тепло. И я понимаю, что ни за что не уеду.

Хватит с меня потерь, побегов и расставаний. Если Митрофанову что-то не нравится, то пусть он сам уезжает. А к нам с сыном не лезет!

Я ничем ему не обязана. И рассказывать о ребёнке не обязана. Тем более у него есть свой ребёнок.

От мысли, что другая родила ему дочь, внутри всё сжимается. Мне физически больно от этого. И если мысли можно задавить, то с чувствами так просто не получается.

Обида никуда не уходит. Отравляет горечью даже через столько лет.

Ближе к вечеру я звоню Анастасии Петровне. Сообщаю о своём решении и напоминаю о собеседовании. Она меня хвалит, поддерживает. А по поводу собеседования говорит не переживать и приходить в понедельник вечером в платную клинику.

Мы тепло прощаемся. Пожалуй, моя медсестра – единственная, по кому я буду искренне скучать.

К вечеру мы идём гулять ещё раз, после играем во все настольные игры, которые были, и смотрим мультфильм. Несмотря на то количество дел, которые удалось сегодня решить, я совсем не чувствую усталости.

– Пора чистить зубы и спать! – объявляю я, когда стрелка часов переваливает за девять вечера.

– Я не хочу! – привычно отказывается сын.

Он катает машинки по полу, превратив гостиную в гоночную трассу.

– Кому-то завтра в садик вставать с утра.

Сын тяжело вздыхает. Паркует свои машинки, поднимается и плетётся чистить зубы.

Я мягко улыбаюсь ему. Где-то в кухне звонит мобильник.

Обычно в такое время мне никто не звонит. Разве что родители не разобрали текст назначения и решили уточнить. Но они, как правило, стараются звонить в рабочее время.

На экране высвечивается незнакомый номер. Я кликаю на зелёную кнопку, прикладываю к уху.

– Да?

– Ольга, мне нужна твоя помощь, – раздаётся когда-то родной, а теперь чужой голос.

Голос звучит напряжённо, но я точно знаю, что нам не стоит с ним говорить.

– Нет.

Сбрасываю вызов, приседаю на корточки и роняю голову на сложенные руки.

Ненавижу его за то, что заставил меня чувствовать себя полной дрянью! Я не хочу быть неблагодарной холодной стервой, но мне приходится ею быть. Иначе потеряю себя.

Звонки продолжаются. Три или четыре, а потом сообщение:

«Возьми трубку! Лия умирает!»

Меня словно в грудь бьёт огромный горячий кулак. Пытаюсь вдохнуть, но ничего не получается.

Телефон звонит, я прикладываю его к уху.

– Что с ней? – спрашиваю дрожащим голосом.

Это не мой ребёнок. Даже больше: это ребёнок, рождённый другой женщиной от моего любимого! Но это всё равно ребёнок, и эта малышка ни в чём не виновата.

– Лия задыхается. Ей стало хуже!

Он подносит телефон к девочке, и я слышу надрывный лающий кашель.

– Вызывай скорую! – почти кричу на него.

– Я вызвал! Приехал какой-то баран и сказал, что ей нуж-

но пить больше тёплой жидкости! – в его голосе слышится приговор неграмотному фельдшеру. – Платные клиники закрыты, инфекционная больница в сорока километрах! А я один с ней!

Медленно выдыхаю. Нужно взять себя в руки, иначе ни ребёнку не помогу, ни себе.

Если бы такой кашель был у взрослого, то рекомендация звучала бы здраво, но Лия – ребёнок. Маленький ребёнок, и у неё, судя по кашлю, развивается ложный круп.

– Оля, я доверяю только тебе, – тихо, но очень серьёзно говорит Алекс.

Я ему верю. Невозможно не поверить.

На скорой работают фельдшеры общего профиля. Специальной детской скорой в нашем городе нет. А девочке сейчас нужен именно педиатр. Который знаком с особенностями детского организма. И знает схемы лечения.

Тем более у Максима такое тоже было. Не знаю, как это работает, но генетическая составляющая в этом точно есть.

На одно маленькое мгновение всё самое ужасное во мне шепчет: «Не приезжай, оставь всё как есть, и, возможно, он испытает такую же боль, как испытала ты!»

От этой мысли разом потеет спина. Неужели я всерьёз могу такое допустить? Я же доктор, мать, человек...

– Оля?

Моё молчание длится слишком долго.

– Открой окно настежь. Укутай ребёнка. Ей нужен про-

хладный воздух. Я приеду через десять минут.

Время растягивается. Как сумасшедшая бегу к Лидии Степановне. К счастью, она ещё не спит. Наскоро объясняю ей ситуацию. А потом объясняюсь с сыном.

Говорю ему, что я, как супергерой, должна бежать на помощь. Он расстроен, но мужественно кивает.

Дальше аптечка. Нахожу ингалятор, который покупала для сына несколько месяцев назад. Несколько ампул антигистаминных и детские шприцы. А потом прыгаю в машину.

Меня трясёт. Я чувствую каждую секунду, которая убегает сквозь пальцы.

Соблюдать правила дорожного движения очень тяжело, но я постоянно повторяю себе: «Если попаду в аварию, станет только хуже».

Долетаю за считанные минуты. Машину бросаю перед самым подъездом. Да, она будет мешать, но сейчас это меньшее, что меня заботит.

Дверь открыта. Я рывком её открываю и чувствую, как холодно в квартире. Настежь распахнуты все окна. Рядом с девочкой на коленях стоит Алекс. Он осторожно держит её голову, помогает дышать.

– В сторону! – командую я незнакомым для меня голосом.

Он подчиняется. Стетоскоп прикладываю к груди, на палец – специальный аппарат для измерения кислорода в крови. Хрипы в лёгких и натужное дыхание подтверждают мои догадки.

Кислород колеблется на минимально допустимом значении.

Обрабатываю руки спиртом, натягиваю перчатки и набираю препарат.

– Подержи её. Только крепко, чтобы игла не сломалась.

Она тоненькая, но дети на уколы реагируют по-разному. Колю в руку. Лия судорожно вздыхает, но не плачет. Она вообще сейчас в заторможенном состоянии.

Делаю ей ингаляцию с другим препаратом, и дыхание становится лучше. Кислород растёт, а я начинаю дышать. До этого, кажется, и не дышала совсем.

Меряю температуру, она под сорок. Прошу Алекса закрыть окна и раскрываю девочку.

Её худенькое тело смотрится жалко на кровати. Она горячая как печка. А ещё она до боли напоминает мне моего сына. И от этого ещё страшнее.

Обтирание – прошлый век, но в этом случае только оно может помочь быстро и эффективно. Митрофанов выполняет все мои команды. Не задаёт вопросов, как другие тревожные родители, не спорит. Только делает всё, что я ему говорю.

Минут через пять состояние стабилизируется. И я плетусь на кухню, чтобы немного прийти в себя и подумать, что делать дальше.

Здесь по-армейски чисто. Ни грязной посуды, ни чашек на столе. Даже тряпочка висит на своём месте. Чистая и сухая.

– Как так вышло?

Я оборачиваюсь. Алекс стоит, привалившись к косяку.

– Что? – не сразу поняла.

– Как так вышло, что Лия заболела ещё сильнее?

– Как так вышло, что Лия заболела ещё сильнее?

Обида горечью оседает на языке.

– Ты меня в этом обвиняешь?

Я как дура неслась сюда, помогла девочке, а теперь останусь крайней?

– Нет. Просто спрашиваю.

Он спокоен, но глаза напряжённо за мной следят. Мои руки летят вверх.

– Знаешь что, Митрофанов! Пошёл ты! – шиплю на него, как гадюка.

Хватит с меня! Я и так сделала больше, чем от меня требовалось. Ходить по вызовам ночью, пусть и на своём участке, я не обязана.

Когда уже до меня дойдёт, что доброта каждый раз выходит боком. Особенно если это касается бесчувственного сухаря.

Пытаюсь пройти мимо, но он хватается меня за руку. Не даёт уйти.

– Оля, подожди...

– Нет! Хватит говорить со мной! Хватит появляться рядом! Хватит помогать! – перевожу дух, сердце стучит в груди: – Мне это всё не нужно! И тебя я видеть не хочу!

– Думаешь, я доверил бы тебе ребёнка, если бы считал,

что это твоя вина? – он говорит, как всегда, тихо, но от этого его слова звучат оглушительно.

– Тогда я не понимаю, о чём ты, Митрофанов!

Мы близко. Опять слишком близко, и от этого некомфортно. Я чувствую его запах. Он ни капельки не изменился. Тот же парфюм, тот же кондиционер для белья, шампунь. А ещё его собственный запах.

Опускаю взгляд, не в силах смотреть ему в глаза.

– Я прошу подумать, в чём причина. Так ведь не должно быть?

Не должно. Прошло двое суток с начала лечения. А значит, симптомы должны идти на спад, но они нарастают.

– Твоя жена по инструкции давала лекарства?

Алекс пожимает плечами.

– Начнём с того, что у меня нет никакой жены.

Вот это поворот! А кто же тогда написал на меня жалобу заведующей? Кто встретил в пятницу ночью? Ничего не понимаю.

Или ответ прост. Она ему не жена, а просто девушка?

– Ну, девушка, или как ты её называешь, – раздражённо бросаю.

Сейчас не время выяснять статусы и жонглировать словами. Здоровье ребёнка в опасности!

– Я называю её няней Лии, – Алекс любит мой шок и только потом продолжает: – Она забирает её из сада и сидит с ней, пока я не вернусь с работы. А в пятницу я попро-

сил подождать врача, чтобы она описала симптомы ребёнка.

Ага. Именно поэтому эта няня написала на меня жалобу такого характера! Явно же она не просто няня, а нечто большее.

– Значит, ты отец-одиночка?

Он задумчиво молчит, подтверждая мои догадки, но потом кивает:

– Можно и так сказать.

Митрофанов явно что-то недоговаривает, но расспрашивать его я не хочу. Пусть хранит свои тайны сколько влезет. Меня они не касаются.

– Давай посмотрим лекарства, – вздыхаю.

Мы возвращаемся на кухню. Он достаёт коробок с лекарствами. Я перебираю их, считаю таблетки, всё сходится. Всё, кроме одного.

– А где антибиотики?

– Это всё что есть.

– Не может быть! Я назначила Лии антибиотик. Посмотри назначение.

Листок с моими записями находится в шкафчике тут же. Там действительно первым номером стоит нужное лекарство.

– Вот! Видишь! – я тыкаю в нужную строчку.

– Такого в круглосуточной аптеке не было, и я попросил купить его Машу. Она принесла и сама начала давать сироп.

Алекс поднимает одну из бутылочек. Название похоже, но

то, что мне протягивает Алекс, всего лишь БАД. А назначенное мной – антибиотик широкого действия!

– Ты разве не видишь, что названия разные? – в полном шоке спрашиваю его.

– Разве это не одно и то же?

– Нет! Это просто витамины, а Лии нужен антибиотик! Вы, по сути, не лечили её, и из-за этого болезнь так прогрессировала!

Алекс сжал челюсти. Насколько я помню, он ненавидит ошибаться.

– В аптеке могли перепутать?

Я развожу руками. Да, в аптеке работают не врачи, но и не люди с улицы. Они разбираются в лекарствах и их свойствах. Продать вместо антибиотика БАД – нужно очень постараться.

– Всё возможно, но это самый неправдоподобный вариант. В аптеке работают фармацевты, а не обычные продавцы. Они каждый день отпускают множество лекарств и вряд ли могли перепутать препарат.

Алекс задумчиво кивает.

– Хорошо, я разберусь с этим. Что делать теперь? Если я привезу нужный препарат, это поможет?

С силой тру лицо ладонями. Можно рискнуть и начать лечение, но приступ может повториться, и малышке понадобится кислород. Или ещё инъекции. Да и антибиотики на этом этапе лучше вливать прямо в кровь.

Все эти мысли проносятся в голове, и я выношу вердикт:
– Это очень опасно. Нужно везти ребёнка в стационар.

\

– Ольга...

– Нет! – перебиваю его. – Нет, нет и ещё раз нет!

– Ты даже не дослушала.

– Я прекрасно знаю, чего ты хочешь! И я говорю: нет! – в груди давит. – Не поеду с тобой в больницу!

Меня дома ждёт сын! Его сын, между прочим! Почему я должна ставить его благополучие ниже, чем благополучие чужого мне ребёнка?

– А если у неё снова случится приступ? – он смотрит, чуть наклонив голову. – Что я смогу сделать на пустынной ночной трассе?

– Это твои проблемы, Митрофанов! Вызови скорую, заплати им или, не знаю, придумай что-то ещё! – огрызаюсь, чтобы не чувствовать вину. – Мне нужно домой!

Меня пронзает внимательный взгляд. Насквозь. Как рентген.

– К кому спешишь? – вкрадчиво спрашивает.

– Не твоё дело! – отрезаю я, понимая, что разговор зашёл не в ту степь.

– Может, тебя дома ждёт мужчина?

То, каким тоном он это говорит, заставляет мои щёки вспыхнуть алым огнём.

– А может, и так! Тебе какое дело?

Задираю подбородок повыше. Пусть тоже чувствует боль оттого, что я променяла его на другого. Хотя, наверное, уже поздно. Он вычеркнул меня из своей жизни. Перевернул страницу и живёт дальше.

И только я, как дура, цепляюсь за воспоминания о любви, которая жила только в моей голове.

Он внимательно рассматривает моё лицо, и от этого не по себе.

– Ты врёшь, – выносит вердикт. – У тебя никого нет.

– С чего такая уверенность? – усмехаюсь я, складываю руки на груди.

– Твои коллеги любят болтать, – пожимает плечами он.

Алекс говорит это без превосходства или победных ноток в голосе, но мне почему-то всё равно неприятно. Чувствую себя неудачницей, которая не смогла построить свою жизнь после расставания.

Трясу головой. Как мы вообще здесь оказались? С чего я должна оправдываться и что-то объяснять?

Подхватываю сумку, вешаю на плечо. Поднимаю повыше ингалятор.

— Это если Лии будет тяжело дышать. Ампулы не оставляю. Ты всё равно укол ребёнку сам не сделаешь. С больницей не затягивай. Ребёнку нужно лечение как можно скорее.

Спокойно иду к выходу, но Митрофанов не собирается так просто меня отпускать. Он преграждает мне выход. И мы опять слишком близко! Почти соприкасаемся!

Пытаюсь отступить на шаг, но он не даёт. Наоборот, прижимает к себе, наклоняется.

– Пусти!

Митрофанов смотрит прямо мне в душу. Не знаю, что он хочет там увидеть, но мне страшно от этого взгляда. И от ситуации в целом.

Сердце стучит как бешеное. Он тоже наверняка это чувствует. Упираюсь ладонями в его грудь. От прикосновения через ладони расходится тепло. Страх отходит на второй план. И остаётся только...

В комнате закашливается Лия, и наваждение пропадает. Его руки разжимаются, я пулей вылетаю из квартиры. Уже в машине трясую головой, пытаюсь понять, что это сейчас было.

Столько времени прошло, а химия между нами никуда не делась. Его взгляд проникает в самые потаённые уголки моей души. Кажется, он видит меня насквозь.

И я ненавижу себя за это! Как можно позволять ему так себя вести со мной? Он растоптал мою любовь, предал, унизил! Но дыхание всё равно сбивается, когда он рядом.

Нет!

Не позволю так с собой обращаться.

Ни за что!

Если позволю ему снова стать частью моей жизни, буду всегда себя ненавидеть за слабость. А я это не хочу!

Машина заводится с пол-оборота. Еду домой. Няня спит на диване в гостиной, и я не хочу её будить. Тихо прохожу

мимо на второй этаж, к сыну в комнату.

Максим спокойно спит. Во сне он ужасно похож на Лию. Поставить рядом – и можно будет выдать их за близнецов. От этого сходства внутри болит.

Тянет и грызёт. Напоминает о предательстве.

Несмотря на усталость, долго ворочаюсь в постели. Прокручиваю всё случившееся в голове. Естественно, в голову приходят нужные фразы, умные мысли, которые не пришли в моменте.

О своей ночной поездке я не жалею. Учиться на детского врача я пошла по призванию. И ещё одна спасённая детская жизнь важна для меня. Если бы с девочкой что-то случилось, а я могла помочь, но не помогла...

Не знаю, как бы я смогла с этим жить.

Но вместе с этим я чувствую, как расходятся края раны внутри, и мне это совсем не нравится.

С утра просыпаюсь разбитой. Все мышцы ноют и просят пощады. На работу идти совершенно не хочется. Здравый смысл мне подсказывает: моё увольнение станет тяжёлым этапом в жизни.

Мстительная и злопамятная заведующая так просто не отпустит. Но делать нечего. Придётся стоять до конца.

Остаться в больнице с таким отношением я не хочу. Когда вместо поддержки – осуждение, а вместо защиты – обвинения, невозможно продолжать доверять.

Лидия Степановна уже суетится у плиты. Максим кушает

блинчики со сметаной перед садом.

– Ой, Оленька, ты проснулась! А мы старались потише, чтобы тебя не разбудить, – улыбается мне няня.

– Ничего, мне всё равно пора на работу собираться. У меня сегодня первая смена.

– Ну хорошо. Садись, поешь! И не спеши. Я Максима отведу в сад.

Я благодарно ей киваю. Помощь мне сейчас не повредит. Лидия Степановна – обычная женщина с обычной судьбой. От неё исходят теплота и нежность. Моего сына она любит как внука, и я это особенно ценю.

Перед работой нервы бьёт мандраж. Моё предчувствие не обманывает. Как только поднимаюсь на этаж, мне сразу сообщают, что меня ждёт заведующая в своём кабинете.

Бежать к ней на поклон не хочется. Спокойно иду в кабинет, снимаю верхнюю одежду. Надеваю халат.

Внутри дрожит неприятная струнка.

– Доброе утро, Ольга Михайловна. Собеседование в платную клинику в силе? – в кабинет заходит медсестра.

Я рассеянно киваю.

– Конечно, почему нет?

На вздыхает, подходит к чайнику и запускает кипячение.

– Может, вы передумали.

– Нет. Просто не хочется разборок, угроз или чего там придумала наша Королевична.

Я впервые называю её не по имени или должности, а по негласному прозвищу. Раньше я уважала её как врача и начальницу, а теперь она упала в моих глазах.

– Не переживайте. Она лает, но не кусает.

В кабинет заведующей иду улыбаясь. Поддержка Анастасии Петровны греет сердце.

– Ольга Михайловна, вы не торопитесь к начальству, – встречает меня недовольно Каролина Евгеньевна.

– Не тороплюсь, – пожимаю плечами.

Извиняться перед ней мне не за что.

– Ничего не хотите сказать?

Она что, думает я буду прощения просить? Или умолять

меня оставить?

– Всё, что я хотела, я вам уже сказала. Теперь я хочу спокойно отработать две недели и расстаться с вами хорошими знакомыми.

Видно, как мои слова всё больше поднимают ей давление. Я же абсолютно спокойна.

– Да что ты себе позволяешь!? Опыта всего три года, а уже возомнила себя светилом медицины? – задыхается заведующая. – Даю тебе последний шанс извиниться и замять наш конфликт!

– Каролина Евгеньевна, я никем себя не возомнила. Работать в этой больнице я больше не хочу. Конфликта с вами у меня никакого нет. Не понимаю, чего вы ещё от меня хотите?

– Ага! Значит, уже нашла себе тёплое местечко?! – закричала она на весь кабинет. – А вот и нет! Думаешь, тебя в платную возьмут? Даже не надейся! Я тебя на весь город так ославлю, что даже уборщицей место не найдёшь!

Чем больше она кричит, тем легче мне становится. Всё больше и больше я убеждаюсь, что сделала правильный выбор.

– Не надо меня пугать, Каролина Евгеньевна. Моя судьба – не ваша забота.

Её связей я не боюсь. Идти к руководителю, который верит грязным слухам обиженного, глупо. Меня знают родители моих пациентов, а значит, не пропаду.

Я спокойно встаю.

– Дайте мне копию моего заявления на увольнение с отметкой о принятии, пожалуйста. Хочу быть уверена, что две недели отработки начнутся сегодня.

– Никакого увольнения, пока я не найду тебе замену! – ещё больше закипает заведующая.

Ага, уже полгода ищет, всё никак не найдёт.

– Знаю я, как вы ищите замену. Мне это не подходит. Не заставляйте звонить в трудовую инспекцию и прокуратуру.

– Ах так! Решила меня пугать?! По статье тебя уволю!

От визгов заведующей у меня уже звенит в ушах. Я не люблю конфликты, но и молчать не собираюсь. Уже однажды промолчала, потом расхлёбывала.

– Я никого не пугаю. Просто прошу соблюдать закон.

Заявление я в итоге получаю. И когда выхожу с ним, мне едва не аплодирует весь персонал.

Анастасия Петровна загадочно улыбается, водя мышкой по коврику. А когда я вхожу, показывает мне большой палец.

– Ну, ты молодец! Отлично её на место поставила!

Я развожу руками.

– Просто отстояла свои права. Теперь главное, чтобы меня взяли в платную. Иначе придётся искать работу в другом городе.

– Даже не переживай! Там начальница адекватная. И увольнялась из этой больницы примерно так же, как и ты. Так что прекрасно осведомлена о заскоках нашей дорогой заведующей.

На столе меня ждёт чашка кофе. А ещё шоколадка от одной из родительниц. Всё-таки у меня прекрасная медсестра, и её заботы будет не хватать.

– Спасибо вам за поддержку, Анастасия Петровна.

– Не за что. Хотите, я приём задержу минут на пятнадцать? Вы в себя придёте.

Я смеюсь.

– Не надо. Пациенты не виноваты. Да и не стоит давать повод Каролине Евгеньевне для выговора.

Ровно в восемь зашёл первый ребёнок. Чашка уже опустела, недоеденная шоколадка полетела в ящик стола. А компьютер был готов к работе.

В течение дня ко мне подходят коллеги, расспрашивают о дальнейших планах, но ничего конкретного сказать я им не могу. Не люблю делить шкуру неубитого медведя.

А в обед приезжает курьер. Привозит огромный букет из белых роз. Все коллеги сворачивают головы, провожая его к моему кабинету.

Я сначала даже не понимаю, чего от меня хочет долговязый парень в зелёной куртке.

– Морозова Ольга? – неуверенно уточняет он, глядя между мной и медсестрой.

– Это я.

– Значит, букет вам.

Он неумело передаёт мне цветы и конверт, чиркает что-то в телефоне и испаряется.

– Вот это букет! – протягивает Анастасия Петровна. – Всё-таки решила внять моему совету и найти себе мужчину? Молодец!

Она искренне за меня радуется, а я не понимаю, что всё это значит. Кладу цветы на стол, открываю конверт. Там всего две строчки.

«Спасибо за помощь. Прости, если напугал».

Как реагировать на цветы и извинения, я не знаю. Оставляю их в кабинете на подоконнике и каждый раз, когда взгляд падает на букет, мыслями возвращаюсь к нему.

Запрещаю себе думать, анализировать, надеяться... Но это выше меня.

Почему он молча уехал? Почему не вернулся? Как он мог предать?

Ответов нет, и от этого ещё хуже.

Вечером еду на собеседование. Меня встречает высокая красивая женщина, старше меня лет на десять. Опасения оказываются напрасными.

Она встречает меня в холле, представляется Юлией Леонидовной и провожает в свой кабинет. Здесь нет особой роскоши, но о вкусе и стиле говорит всё вокруг.

– Ольга Михайловна, расскажите о себе, своём опыте. Тётя много о вас рассказывала, но всё же я обязана спросить.

– Тётя? – хмурюсь я.

– Анастасия Петровна. Вы же по её рекомендации?

Я смущённо улыбаюсь. Вот, значит, почему моя медсестра так уверенно говорила и настаивала на моём собеседовании.

– Она не сказала, что вы родственницы.

– Мы стараемся это не афишировать, но те, кому надо, в курсе. И поэтому не работаем вместе. Чтобы не было кон-

фликта интересов.

Это очень похвальное решение. Несвойственное, я бы сказала. И от этого мне ещё больше захотелось работать здесь.

– Документы о моём образовании, – я положила на стол свой диплом. – Опыт работы у меня три года. Выговоров и замечаний по работе нет.

Я рассказывала о себе. Наш разговор был похож именно на разговор, а не на допрос, как было в первый раз, когда я устраивалась в поликлинику. Никаких бестактных вопросов о семейном положении и ребёнке.

Для работодателя важно понимать, с кем будет мой сын, когда заболеет, или кто заберёт его из сада в случае чего. Но лезть в нашу жизнь грязными руками непозволительно.

Юлия Леонидовна тактично слушает, кивает головой, а потом задаёт несколько профессиональных вопросов. О методах лечения, слежу ли я за научными публикациями, какую информацию использую в работе.

Я придерживаюсь мнения, что врачи должны учиться постоянно. Для меня вопросы кажутся простыми и понятными.

– Ну что ж. Тётя не ошиблась. Такие врачи, как вы, Ольга Михайловна, нам очень нужны. Тем более мы собираемся заключить контракт на ДМС для сотрудников нашего перерабатывающего завода и их детей. А значит, пациентов прибавится.

Приборостроительный завод обеспечивал весь город ра-

ботой. Большинство горожан работали либо там, либо в обслуживании инфраструктуры.

– Это отличная новость, – улыбнулась я.

В организации коммерческих медицинских центров я не разбиралась, но эта новость означала, что работа у меня будет.

Мы подписали предварительный договор и расстались довольные друг другом. Я не шла, а летела над дорогой.

Одна из моих проблем решилась! Теперь нам не нужно уезжать, мы не будем голодать с сыном. Наоборот, зарплата, которую мне предложили, в два раза выше, чем я получала в поликлинике.

И как бы мне грустно ни было бросать моих маленьких пациентов, в этом случае мне придётся выбрать себя и своего сына.

На сегодня осталось только сходить в магазин за луком, который я успешно забыла купить на выходных, и забрать сына из сада.

На новой работе мне обещали: никаких переработок. А значит, больше времени для Максима и отдыха! В голове уже крутились планы на вечера после работы.

Раньше единственное, на что хватало сил, – почитать книжку сыну перед сном и доползти до постели. Теперь же я смогу гулять с ним, строить замки из Лего, лепить снеговиков и кататься с горки. Столько всего, на что раньше не хватало времени!

Заскочила в магазин. Кинула в корзину не только лук, но и несколько вкусняшек. Рано ещё праздновать, но мне хотелось отметить с сыном и няней хорошие новости.

– Эй, это ты! – окликнула меня девушка, мимо которой я прошла.

– Маша, не надо! – попыталась придержать её подруга, но та не обратила на это внимания.

До меня дошло, что девчонка ко мне обращается. Нужно было пройти мимо, но я, как назло, встала в очередь на кассу.

– Что глазами хлопаешь, бл..! Из-за тебя меня уволили!

– Из-за тебя меня уволили!

Крик бьёт по ушам. Люди в очереди оглядываются. Я пытаюсь делать вид, что её вопли ко мне не относятся, но с каждой секундой это делать всё сложнее.

– На меня смотри, когда я с тобой разговариваю! – кричит девчонка.

– Девушка, вы что себе позволяете? – возмущаюсь я.

– Думаешь, я поверю, что ты меня не знаешь!?

А я правда никак не могу вспомнить, кто она и чего от меня хочет.

– Вы обознались.

– Ни черта подобного! Это ты наплела Алексу, что я чуть ли не убить его дочку хотела!

Осознание бьёт по темечку. Она няня Лии! Я видела её однажды в полумраке детской спальни. Шок от неожиданной встречи, стресс, усталость. Неудивительно, что я не запомнила её.

Да и в тот день она была в скромном домашнем платье, а не в джинсах оверсайз, болтающихся на бёдрах, и кроп-топе.

Любопытные взгляды зевак, осуждающее цоканье, разочарованные вздохи. Всё это окружает меня. Люди осуждают, даже не зная всей ситуации!

Взять себя в руки в такой ситуации трудно, но у меня по-

лучается. Холод распространяется внутри.

– Мария, верно? Про ваши отношения с вашим работодателем мне неизвестно, но вы действительно купили не то лекарство для девочки. Специально или нет, я не знаю, но факт остаётся фактом.

Девчонка шипит на меня, подруга хватает её за плечи. Вряд ли она кинется с кулаками. Такие только и могут, что брызгать ядом.

– Думаешь, сможешь его охмурить? А вот и нет! У нас с ним отношения! Уже несколько месяцев! Ясно тебе, стерва! А за то, что крутишь задницей перед чужим мужиком, можно и глаз лишиться!

Окидываю взглядом девчонку. Сколько ей? Восемнадцать? Не может же быть меньше? Митрофанов – предатель, но не подонок.

Он же сказал, что не спит с ней? А она говорит по-другому. И кому верить?

– Не собираюсь перед тобой отчитываться, – хмыкаю я. – И угрожать мне не нужно.

Говорю холодным, абсолютно спокойным голосом. Она резко осекается и начинает плакать. А потом выбегает из магазина, бросив свою корзину.

Одна из женщин рядом что-то бубнит себе под нос. Я разбираю только несколько слов, одно из которых «потаскуха». Внутренне вздрагиваю от ругательства.

Перевожу на неё взгляд. Смотрю в упор, чтобы она не мог-

ла сделать вид, что не замечает.

– Проблемы? – говорю жёстко.

Я ни в чём не виновата и не собираюсь терпеть беспочвенные оскорбления.

– Терпеть не могу любовниц! – надменно говорит незнакомка.

– А с чего вы взяли, что я одна из них? По себе судите?

После моего ответа в зале магазина воцаряется молчание. Только сканер оглушительно пищит. Люди отводят глаза, но я вижу, как некоторые переглядываются.

Хочется всё бросить и уйти, но я всё равно стою и жду, пока продавец пробьёт мой товар. Расплачиваюсь и ухожу с высоко поднятой головой.

Настроение ниже плинтуса. Гадкий привкус от скандала горчит на языке. Сажусь в машину. Смотрю в лобовое стекляннным взглядом.

После всего, через что я прошла, это должно быть мелочью, но мне всё равно дико неприятно. Пальцы подрагивают от текущего по венам адреналина.

Эту Машу мне совсем не жалко. Из-за неё ребёнок мог пострадать. Конечно, ответственность в первую очередь лежит на Алексее. Он отец и должен был проследить, проверить. Но и она наверняка неправильно назвала препарат в аптеке.

Трясу головой, чтобы выкинуть всю эту муть из головы. Меня их отношения не касаются. И еду за сыном.

Максим уже сидит в раздевалке и перебирает вещи в

шкафчике.

– Привет, малыш. Всё в порядке?

– Да, – бурчит он.

– Что-то не похоже, – тут же начинаю волноваться. – Тебя обидели?

– Нет.

Он хмурится. В глаза мне не смотрит. И вообще похож на колючего ёжика, который поднял свои иголки.

А ещё похож на своего отца. Безумно похож.

– Ладно. Давай я поговорю с воспитателем и пойдём.

– Нет! Я хочу домой!

Бросать сына здесь и идти к воспитателю не кажется мне правильным. Я помогаю Максиму одеться, и мы вместе выходим на улицу.

Осенние сумерки легли на город. Фонари клоками выхватывают территорию из темноты. Сын шагает рядом, а я с тревогой на него смотрю.

Мне так хочется укрыть его от всех проблем, но это не в моей власти.

Дома тепло, уютно и хорошо. Няня заходит на чай, и я рассказываю ей о новой работе. Она меня хвалит, поддерживает. Мы вместе сидим на диване в гостиной. Максим играет рядом.

Вопреки моим ожиданиям, две недели до увольнения проходят быстро и без всяких проблем. Заведующая пытается уговорить меня остаться. Сначала через других сотруд-

ников, потом сама, но я уже одной ногой в новой жизни, и мне не хочется возвращаться в старую.

В платной клинике меня принимают хорошо. Кабинет оборудован, окна смотрят на юг. Стены разрисованы детскими рисунками. Все карты оцифрованы. А запись ко мне уже ведётся.

В первые дни пациентов мало. Я в основном сижу и изучаю документы. Но мне спокойно. До того момента, пока я не вижу, как из огромного внедорожника вылезает Митрофанов и идёт ко входу в клинику.

Как же я надеялась, что мы с ним больше не пересечёмся! Город небольшой, и всякое может быть, но даже в таком небольшом городе наши встречи кажутся подстроенными.

Чего на этот раз ему от меня надо?

Пришёл опозорить перед начальством? Или просто наговорить гадостей?

В любом случае я не позволю ему этого.

Выхожу из системы, закрываю кабинет на ключ и спускаюсь в вестибюль. Он уже у гардероба. Хочу подойти к нему и вывести на улицу. Если есть претензии, пусть там мне их высказывает, но не успеваю.

Меня опережает Юлия Леонидовна.

– Добрый день, Алексей Вадимович. Рады видеть вас в нашей клинике.

Она расплывается в улыбке. Не знаю, сколько в ней вежливости, а сколько кокетства. Да это и неважно. Он смотрит на мою начальницу холодно и отстранённо.

Как на единицу. Никакой заинтересованности. Ни-че-го.

Не скажу, что мне это нравится. Лучше для нас всех, если бы и он, и я нашли свои вторые половинки и судьба перестала нас сталкивать лбами.

– Добрый день. Вы знаете, зачем я здесь?

– Конечно. Мы обо всё договорились.

Он оборачивается. Его взгляд натывается на меня, и я вижу, как на долю секунды он меняется.

Не ожидал?

Значит, Алекс не знал, что я здесь работаю. Облегчение расплывается теплом по телу, но я рано радуюсь.

– Тогда проводите меня в кабинет. Жду личные дела сотрудников и график встреч.

В голове гудит только одна фраза: «личные дела». Копии документов сотрудников, договор, заявление. Всё там. Информацию о ребёнке я не скрываю. В паспорте стоит отметка о Максиме.

– Прошу, следуйте за мной.

Юлия Леонидовна продолжает флиртовать, а я так и стою, не в силах сдвинуться с места.

– Ольга Михайловна, всё в порядке? Вы словно призрака увидели, – тормозит меня одна из администраторов.

Медленно киваю. Хотя внутри всё ещё заморожена. Даже сердце почти не стучит.

– Кто это?

– Митрофанов. Страшный, правда? Я как его в первый раз увидела, чуть телефон не уронила. Сначала подумала, что передо мной робот, а не человек! – тут же принялась сплетничать девушка. – Он приходил с директором по персоналу в прошлый раз.

Перевожу взгляд на неё. У неё на бейдже красуется имя «Марина».

– Ничего не поняла.

– Вы же знаете, что мы заключаем договор на обслуживание по ДМС с заводом?

Я медленно киваю.

– Так вот, они поставили условие, что нас всех должна проверить их служба безопасности! Ну, вроде как у них там секретность и все дела. А этот Митрофанов там начальник службы безопасности.

– И ему разрешат копаться в наших личных делах?

– Ага. Иначе никакого контракта не будет.

– Но разве это законно?

Администратор скривилась, подняла бумаги и скрепила их степлером.

– Чисто теоретически – да. Но если бы и было незаконно, то что в этом такого? Думаете, у нас, простых людей, есть какие-то секреты от представителей власти? Все эти базы данных и прочее.

Разговор о конспирологии мне не был интересен. Не знаю насчёт представителей власти, но этот конкретный человек не знал о наличии у меня ребёнка. И я искренне надеялась, что он этого не узнает.

На негнущихся ногах поднимаюсь к себе в кабинет. Пальцы колет иголочками страха. Я сижу и смотрю в окно, пытаюсь что-то придумать, но ничего на ум не приходит.

Только усталость всё больше давит на плечи.

Кожей чувствую, что мы с ним в одном здании. И от этого

внутри творится что-то невероятное.

К середине дня мне так надоедают тревожные мысли, что я просто запрещаю себе об этом думать. Ну и пусть он узнает о Максиме. Плевать! Однажды это должно было случиться, так почему не сейчас?

На обед иду ближе к двум. В небольшой столовой, выделенной нам для приёма пищи, несколько сотрудниц успокаивают одну из медсестёр. Она трясётся, пытается выпить воды, но у неё ничего не получается.

– Да не переживай ты так! – тихо говорит ей подруга. – Ну, узнали и узнали, ничего страшного.

– Я так испугалась! – стучит она зубами.

По комнатке плывёт запах корвалола.

– Помощь нужна? – спрашиваю я из вежливости.

Девочки тоже медики и сами знают, как успокоить подругу, но предложить помощь в нашей среде – признак хорошего тона.

– Спасибо, но нет, – отзывается ещё одна. – Это нервное.

– Думаете, меня уволят? – на глазах медсестры набухают несколько крупных капель. – Меня точно уволят!

Она начинает плакать. В голос реветь!

– Да что случилось? – не выдерживаю я.

Девушки поджимают губы. Медсёстры не спешат открывничать с врачами. Но сейчас для меня делают исключение.

– Это всё этот...этот... гестаповец! Устроил тут настоя-

щий допрос! Словно мы подозреваемые, а не медицинский персонал.

Для меня их слова удивительны. Да, Алекс всегда выглядел собранным и беспощадным, но я никогда не боялась, что он может мне навредить.

Даже когда он ругал меня, если я делала глупости. Даже когда думал, что я хочу вернуться к мужу.

Неужели он так изменился?

– Если я могу чем-то помочь, обязательно скажите, – вы-
давливаю из себя и ухожу.

Аппетита больше нет. Я возвращаюсь в кабинет. А вечером, когда уже собираюсь домой, за мной приходит администратор, с которой мы разговаривали утром. У неё красные глаза. Да и вообще вид взъерошенный.

– Ольга Михайловна, вас зовут в переговорную, – тихо сообщает.

Я иду по коридорам клиники. Чувствую, как напряжение висит в воздухе. Многие из персонала вздрагивают от малейших звуков. Прячут глаза.

Неужели Митрофанов превратился в монстра из страшных сказок? Зачем он довёл до слёз всех этих женщин? Не понимаю.

Марина тихо желает мне удачи. Негромко стучу, чтобы обозначить своё присутствие.

Алекс сидит за столом. Он хмурится, упрямая складка рассекает его лоб. От этого его лицо кажется жестоким. И

тот, кто его не знает, действительно может так подумать, но я вижу, как он устал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.